

Османская империя в годы Первой мировой войны

2021-02-02

24 мин. на чтение

Начало мировой войны Турция встретила у порога полного экономического краха, что в конечном счёте привело её к военному поражению. В этой войне младотурки, находившиеся у власти, намеревались при помощи Германии освободиться от экономического, политического и военного давления со стороны держав Антанты и тем самым осуществить свои пантуранистские планы.

moreС началом Первой мировой войны правительство младотурок решило, что пришло наконец время ликвидировать капитуляционный режим, веками ограничивавший экономическую и политическую независимость страны. В обмен на отмену этого режима Турция обещала придерживаться нейтралитета в войне. Среди самих младотурок не было единства в вопросе методов достижения отмены капитуляционного режима: сторонники войны жаждали сближения с Германией и обострения отношений с Францией, умеренное крыло правящих кругов связанных с Антантой видело в нейтралитете возможность выигрыша для Турции.

Собравшись 3 сентября 1914 года на секретное совещание шесть младотурецких министров: Талаат-бей, Ибрагим-бей, Джавид-бей, Энвер-паша и Джемаль-паша, утвердились в мнении что время пришло и пора ликвидировать капитуляционный режим, при этом Энвер и Талаат не придавали серьёзного значения переговорам с Антантой.

9 сентября Высокая Порта разослала иностранным посольствам ноту, в которой говорилось о “твёрдом” решении младотурецкого правительства с 1 октября 1914 года ликвидировать кабальный режим капитуляций и вытекающие из него преимущества и привилегии для иностранцев.

Ошибка при загрузке изображения

Младотурецкий триумвират: Талаат-паша, Энвер-паша и Джемаль-паша.

Однако все их меры встретили решительные гневные возражения и стран Антанты и, что удивило и крайне огорчило геманофильское крыло младотурок, Австро-Венгрии и Германии. Посол Германии в Турции барон Вингенгейм был просто в ярости и по воспоминаниям министра финансов Джавид-бея был похож на “взбесившуюся собаку”, в течение двухчасового спора он “не говорил, а выл”. Такая нервная реакция германского посла не была случайной, правящий класс в Германии рассматривал отмену режима капитуляций как награду, которую послушная Турция должна была получить от них взамен участия в войне на стороне Центральных держав. А тут такая самодеятельность! У германских дипломатов появились подозрения, что не обошлось без тайного сговора младотурок с Антантой. США тоже были против, желая сохранения капитуляций главным образом в области юрисдикции. Ведя “хитрую” игру младотурецкое правительство пыталось играть на империалистических противоречиях между Центральными державами и Антантой и одновременно выиграть время, чтобы завершить мобилизацию армии. Оставаться в стороне от разгорающейся мировой бойни триумвират младотурок совершенно не собирался, утверждая что “дело в конце концов должно завершиться вступлением в войну на стороне Германии, что позволит ликвидировать капитуляционный режим” [1].

Ошибка при загрузке изображения

Австро-венгерский император Карл I, султан Мехмет V, заместитель главнокомандующего Энвер-паша.

Но как обычно бывает в таких случаях, империалисты не отдадут просто так свои вековые привилегии зависимым странам. Германия и Австро-Венгрия видя недовольство, вызванное их позицией даже среди самых ярых германофилов в Турции, заявили через эмоционального барона Вингельгельма, что они признают решение об отмене капитуляций. Германское благородство и уступчивость для “младотурецких друзей” таило в себе уверенность кайзеровского правительства в том, что как ни странно это решение помешает Турции ликвидировать капитуляционный режим. Хитрость заключалась в необходимости согласия всех держав Антанты и Италии в правовом отношении и согласно букве международных договоров, а согласия Германии и Австро-Венгрии недостаточно. В конечном итоге Турция ничего не выиграла: её отношения с Антантой ухудшились ещё больше, а с вступлением в войну турецкая экономика и политика были полностью подчинены интересам германского империализма. Закон об отмене капитуляционного режима принятый младотурками не имел реальной силы и для самих младотурок был всего лишь популистским пропагандистско-политическим средством.

Ошибка при загрузке изображения

Фотография: Кайзер Вильгельм II, Энвер-паша и султан Мехмет V в Стамбуле, 1917 год.

В войну младотурецкое правительство вступало с явной финансовой недостаточностью, переросшей к концу боевых действий в хронический дефицит бюджета. Государственный долг Турции, накануне войны равный 148,4 млн. лир золотом, в августе 1918 года составил 454,7 млн. лир золотом. Имея такой нездоровый вид, Турция в 1914 году под чёрными тучами скорой войны, покрывшими небо Европы, прилагает все усилия для получения новых займов у держав того или иного военно-политического блока. Министр финансов Джавид-бей, имевший тесные связи с финансовыми кругами Антанты, в апреле заключил соглашение с Францией о предоставлении Турции займа в 800 млн. франков. Из полученных 500 млн. фр. после выплат обязательных внешних долгов осталось 120 млн. фр. из которых 10 млн. израсходовали на железнодорожное строительство (при участии иностранных фирм), а оставшуюся часть на погашение внутренней задолженности — в основном выплату жалования чиновникам. Выгоды Франции от предоставления этого займа были очень приятными: она получила концессионные права на ремонт и строительство ряда железнодорожных линий и ряда портов.

После начала войны Турция обратилась за займом к Германии, последняя обязалась предоставить Турции 5 млн. лир золотом под 6% годовых с незамысловатыми условиями в виде: объявляете войну России или Англии — получаете 750 тыс. лир золотом, начинаете боевые действия — даём вам каждый месяц по 400 тыс. лир золотом и т.д и т.п. В августе 1917 года общая сумма займов Турции у Германии и Австро-Венгрии составила 858,8 млн. в долларовой эквиваленте, из которых 585 млн. долл. было затрачено на закупку в Германии оружия и боеприпасов. Вот так надо делать бизнес на войне и превращать свою периферию в финансового и военного вассала! Современная Турция в какой-то мере вынесла из этого уроки и применяет с переменным успехом ценный опыт на своих многочисленных “братьях” и “единоверцах”.

Все попытки младотурок стабилизировать финансовую ситуацию не принесли и не могли принести ожидаемых результатов: к концу войны общая сумма, израсходованная Турцией на военные цели, достигла астрономических 1

млрд. лир золотом, что в девять (!) раз превышало доход её бюджета за 1914-1918 годы. “Больной человек Европы” был охвачен вечной и неизлечимой болезнью Османской империи — “финансовой лихорадкой”.

В ходе войны Турция понесла большие людские и территориальные потери. Арабские страны империи были захвачены англичанами, часть Восточной Анатолии — царскими войсками и значительная часть Европейской Турции — греками.

Людские потери в войне у Турции, мобилизовавшей 4 млн. мужчин в армию, составили порядка 3 млн. человек, из них погибших — 600 тыс. человек, раненых — около 2,2 млн., при общем населении Османской империи к началу Первой мировой войны составлявшем 21 млн. человек [2]. Почти все людские потери Турции в войне пришлись на долю сельского населения.

Испытывая постоянные финансовые трудности правительство младотурок установило специальный налог в 30 лир золотом за освобождение от воинской повинности: с 3 августа 1914 года — с резервистов-немусульман, 7 августа — с народных ополченцев и 8 августа с резервистов-мусульман, не проходивших военной подготовки. По закону большинство городского населения империи — чиновники, подрядчики, поставщики продукции и другие были освобождены от военной службы. Среди жителей села от призыва были освобождены лишь крупные землевладельцы, беднейшее и среднее крестьянство, независимо от семейного положения, подлежало призыву.

Ошибка при загрузке изображения

Слева обложка турецкого журнала с пропагандистским фото: солдаты султана бесстрашно сражаются за родину. Справа мобилизационный плакат 1914 года.

Вместе с тем младотурки продолжили внутреннюю политику уничтожения национальных меньшинств и под видом “депортации” уничтожили руками этнических турок и курдов армян Восточной Анатолии. После вступления Греции в войну “депортация” была применена к греческому населению проживавшему на побережье Чёрного и Мраморного морей и Проливов. Число бежавших из Турции греков достигло 600 тыс. Политика репрессий и депортаций применялась также к арабскому населению империи.

В годы Первой мировой войны сельское хозяйство Османской империи было разорено, из-за призыва в армию в деревнях Малой Азии почти не осталось рабочих рук, у крестьян был реквизирован крупный рогатый скот и лошади для нужд армии. Правительство забрало у крестьян все запасы ячменя, пшеницы, риса и даже зерно заготовленное для посевов. При этом значительная часть реквизированного зерна отправлялась в Германию и Австро-Венгрию.

Урожай зерна у крестьянина “покупали” по ничтожной цене ссылаясь на нужды армии, при этом крестьянин сам должен был доставить зерно до военного склада и в конце вместо денег он получал справку утверждавшую успешное выполнение крестьянином своих обязательств. С этой справкой крестьянин мог делать всё что ему заблагорассудится, ибо от неё не было никакого практического толку...

В Малой Азии в результате таких мер в годы войны от голода и эпидемий погибло свыше 2,5 млн. человек.

Ошибка при загрузке изображения

Мобилизованные турецкие солдаты на стамбульском вокзале Хайдарпаша.

Семьи крестьян, из-за всеобщей мобилизации фактически лишённые рабочих рук, как правило не могли обрабатывать свои крохотные наделы и вынуждены были покидать землю, закладывая её у помещика за долги и в счёт погашения налогов. Война принесла возможность для дополнительного обогащения эксплуататорской верхушки деревни. Повышение спроса на сельхозпродукцию и принудительный товарооборот ускорили товарно-денежное обращение за счёт натурального обмена. Многочисленные сборщики налогов — мюльтазимы — превращали крестьян в своих постоянных должников и пускали в торговый оборот награбленные у них деньги. Всё это укрепило кулачество, бывшее опорой для режима младотурок в турецкой деревне.

За годы войны сократилась площадь засеваемых земель и большой ущерб был нанесён животноводству, в котором поголовье всего скота уменьшилось на 46,6% [3]. Такое катастрофическое положение сельского хозяйства привело к недостатку продовольствия на внутреннем рынке, сокращению экспорта и росту налогов. На шею крестьянина помимо натурального налога — ашар, официально составлявшего 12,2% урожая и налога на скот, было повешено множество натуральных и денежных повинностей, в результате чего крестьянин терял две трети годового дохода. К этому нужно добавить также военные налоги, введённые с началом мировой войны. Военное министерство по указанию Энвера-паши проводило военную развёрстку: реквизировало у населения значительную часть имущества и даже многие товары у торговцев с частичной уплатой и обещанием стопроцентного возмещения убытков в будущем; группа Энвера-паши реквизировала не только турецкие товары или товары, ввезённые из-за границы, но и товары, следующие транзитом через морские и сухопутные границы Турции, ссылаясь на то, что министерство финансов не отпускает средства на нужды армии.

Младотурецкое правительство оказавшись на грани полной катастрофы основной отрасли экономики — сельского хозяйства, приняло ряд спешных мер. С 1916 г. они стали снабжать помещиков семенами и сельхозмашинами ввозимыми из Австро-Венгрии и Германии. Для улучшения кредитования помещиков был реорганизован Сельскохозяйственный банк, “реорганизацией” которого выгодно воспользовались немцы и австрийцы. Чтобы ещё больше укрепить свою опору на селе, младотурки предоставили ряд льгот для помещиков и кулаков. Все эти мероприятия не дали каких-либо существенных результатов и полностью отвечали интересам помещиков и кулаков, которые и без этих дополнительных уступок отлично наживались на поставках хлеба армии, на росте цен на продукты питания и прочих “прелестях” войны столь перспективных для “делового человека”. Что уж говорить о великой радости таких предпринимателей, если, к примеру, один мешок пшеницы до войны стоил 0,7 турецкой лиры, а в годы войны — 51 лиру [4].

Официальную статистику по промышленности правительство младотурок стало составлять лишь в 1915 году. Из этих неполных сведений следует, что в тот год в Турции насчитывалось всего 282 предприятия обрабатывающей промышленности, на которых работало 17 тыс. рабочих, а также имелся ряд предприятий химической и горнодобывающей промышленности. Во время войны число рабочих в промышленности и на транспорте достигло 45-50 тыс. человек [5].

Ошибка при загрузке изображения

Турецкий артиллерийский расчет 105-мм гаубицы.

Турецкая угольная промышленность, получившая огромное значение в годы войны, так и не смогла обеспечить потребность страны в угле. Конфискация французской угольной компании “Гераклея” правительством младотурок после вступления в войну привела не к повышению добычи угля, а к

уменьшению более чем в два раза в 1916 году по сравнению с 1913 годом — с 827 тыс. тонн до 408 тыс. тонн. С 1916 года Турции пришлось значительную потребность в угле удовлетворять за счёт ввоза из Германии. Однако немцы были недовольны таким положением дел и требовали увеличения добычи угля со стороны турок, чтобы разгрузить транспорт для доставки боеприпасов турецкой армии. Видя что пришёл подходящий момент, германские империалисты надавили на турецкое правительство и тому пришлось передать контроль над угольной промышленностью смешанной германо-турецкой группе специалистов под чутким руководством “Deutsche Bank”.

Меры нового руководства привели к незначительным успехам, к концу войны, в 1918 году, добыча угля сократилась более чем в четыре раза в сравнении с показателями 1913 года. Вместе с тем некоторые отрасли горнодобывающей промышленности военного значения (хромовая, медная, серная и др.), увеличили добычу. Добыча хрома, подчинённая концерну Круппа, возросла с 20 тыс. тонн в 1913 году до 33,8 тыс. тонн в 1918 году [6]. Господа Круппы, будущие большие друзья нацистов, всегда знали как надо делать правильный гешефт.

В то же время война создала предпосылки для развития некоторых новых отраслей промышленности, так как потребности армии и внутреннего рынка требовали хотя бы частичного производства товаров, ранее ввозившихся из стран Антанты. С этим связано развитие турецкой национальной буржуазии потеснившей компрадорскую торговую буржуазию, которая из-за войны потеряла экономические и торговые связи с Антантой, а в дальнейшем частично была уничтожена физически, большая часть тех кто выжил бежала из страны. В годы войны возникло 88 обществ и компаний, принадлежавших национальному капиталу, в них объединялась новая турецкая буржуазия.

Вступление Турции в Первую мировую войну дало повод младотурецкому правительству конфисковать всё имущество на территории империи, которое принадлежало странам Антанты — железные дороги, порты, оборудование и установки и прочее.

Для немецкого капитала вкладывавшего значительные средства в железные дороги Турции наступили золотые времена, отстранив конкурентов из Антанты немцы построили несколько железнодорожных линий, например Хайфа-Иерусалим, запустили часть Багдадской железной дороги порядка 70-80 км. и разработали с правительством младотурок десятилетний план железнодорожного строительства.

Ошибка при загрузке изображения

Вокзал Хайфы

С эксплуатацией железных дорог в Турции в тот период было не всё так радужно, в стране имелось 280 пригодных к использованию паровозов и 3900 вагонов. Остро не хватало квалифицированных кадров, потому что в довоенное время большинство железнодорожников-специалистов составляли греки и армяне. После их “депортации” железнодорожный транспорт был укомплектован не имевшими никакой специальной подготовки и опыта турками.

Как и прежде в годы войны основное место в экспорте Турции занимали сельхозпродукты, а в импорте — промышленные изделия. Кризис и упадок в сельском хозяйстве сократили перечень экспортируемых товаров, что привело к ограничению возможностей импорта. Последнее привело к созданию производств для выпуска ряда товаров внутри страны и к усилению национальной промышленной буржуазии Турции.

В марте 1915 года был издан закон, предусматривающий “национализацию” всех иностранных компаний в течение трёх месяцев. Закон конечно же затрагивал только компании держав Антанты и совершенно не касался германо-австрийского капитала. В годы войны национальная турецкая буржуазия основала монополии по производству и экспорту табачных изделий и по производству текстильных изделий. Самыми активными компаньонами этих монополий были младотурецкие руководители.

Особенное положение в финансовой и торговой жизни Турции играли два банковских синдиката: “Deutsche Bank” и “Австро-Венгерская торговая группа”. Для вывоза сельхозпродукции из Турции германо-австрийским союзом было организовано специальное общество — Центральное закупочное общество. По факту эта организация была единственным покупателем в Турции и приобретала товары по диктуемым ею же ценам, при этом имея огромные возможности непосредственно влиять на регулирование цен в стране.

С войной помимо многочисленных бедствий и лишений к народным массам Османской империи прибыл всадник на вороном коне — Голод.

В начальном этапе войны младотурки и немцы заботились о продовольственном снабжении Стамбула, исходя из прагматических целей обеспечить там спокойную обстановку. В Стамбуле был открыт ряд “народных столовых” с низкими ценами, они просуществовали с перерывами до конца 1917 года, но были закрыты ввиду невозможности обеспечить всех бедняков, стекавшихся в Стамбул из разных районов империи.

Особенно тяжёлым было положение населения в провинциях, невыносимым — в Анатолии и в арабских вилайетах. В годы войны цены на хлеб выросли в 37 раз, на рис — в 30, макароны — 32, на картофель — в 27 и на кофе — в 70 раз [7]. Реквизиции проводимые по указанию военного министерства превращались в самый неприкрытый грабёж. Наибольший ущерб наносили реквизиции скота и тягловой силы у крестьян. В Сирии в 1916 году в соху впрягались женщины и подростки, т.к. большинство крестьянских семей было лишено тяглого скота. Младотурецкая военщина считала при этом, что у населения есть излишки продуктов и эти излишки по закону военного времени следует сдавать властям, конечно же по низким ценам. В 1915 году в Анатолии и арабских вилайетах было “закуплено” таким образом девять десятых “излишков продовольствия”, а в действительности просто реквизировано.

В 1917 году Энвер-паша приказал провести кампанию продовольственной “перепеси” и реквизиции излишков по всей империи, в результате чего только из Сирии было отправлено в Германию 240 вагонов зерна. Не ограничиваясь продовольствием реквизировали и запасы топлива, чем наносили большой ущерб лесному хозяйству страны, так как топливом для большей части паровозного парка Турции служили дрова. В арабских вилайетах для потребностей армии и транспорта вырубались сады и ценнейшие сорта деревьев. К началу 1918 года в Сирии на топливо было вырублено 60% масличных рощ.

Все эти драконовские меры, эпидемии, голод и сокращение внутренней и внешней торговли привели к упадку города всегда славившиеся на Востоке своей шумной и кипучей жизнью: Дамаск, Бейрут, Конья, Халеб, Багдад, Иерусалим...

К концу 1916 года младотурки создали особую правительственную комиссию по вопросам снабжения крупных городов. Мудрецы из этой комиссии приняли решение выдавать ежедневно каждому жителю крупного города 300 грамм

муки и 50 пиастров. Решение приняли, но на местах и эта ничтожная норма не выдавалась жителям. В 1917 году данную комиссию реорганизовали в экономический совет, и следуя логике переименований в 1918 году — министерство продовольствия. Министерство возглавил близкий друг Талаата, член центрального комитета “Иттихад ва теракки” (“Единение и прогресс”) Кара Кемаль. Чем же прославилось сие гуманное министерство и её прогрессивный лидер? Кара Кемаль получил прозвище “продовольственного диктатора” Турции, а его министерство превратилось в гнездо махинаций и всяческих спекуляций младотурецкого правительства.

В последние два года войны экономическое положение Турции стало хуже некуда и теперь не только население, но даже и армия испытывала голод. Солдатам на Месопотамском фронте выдавали всего по 350 грамм хлеба в день. Естественно что все тяготы военных расходов падали на разорившиеся народные массы.

В воспоминаниях Талаата-паши изданных в Стамбуле в 1946 году можно найти следующее признание:

“На третьем и четвёртом году войны отступление наших армий из Палестины, Эрзрума и Багдада, бегство населения этих районов в Анатолию, начало продовольственного кризиса вследствие нехватки рабочей силы в сельском хозяйстве и, наконец, злоумышленные действия со стороны некоторых офицеров в воинских частях и в тылу — всё это вызвало среди народа всё большее разочарование”.

Очень скромно, конечно же, с его стороны умолчать о роли партии “Иттихад ва теракки” и триумvirата младотурок в “большом разочаровании” возникшем среди народа. Но мемуары такое дело, в котором объективности ожидать не стоит.

Обобщая всё сказанное в этой и предыдущей заметках, не претендующих на какой-либо полноценный анализ, можно отметить следующие обобщения:

1. Капитализм в Турции начал развиваться с конца XIX века, сменяя крайне медленными темпами затянувшееся разложение и гибель феодализма в Османской империи. Опорой народного хозяйства по-прежнему оставалось сельское хозяйство, причём необычайно отсталое и использующее примитивные орудия труда даже в крупных помещичьих хозяйствах. Земля будучи основой национального богатства всецело принадлежала феодально-помещичьему классу. Земельные магнаты обладали широкими политическими правами и пользовались покровительством султанской администрации, которая собственно и состояла из их представителей. Это давало возможность крупным землевладельцам в вилайетах безнаказано грабить не только крестьян, но и обижать мелких помещиков. Понятно что значительная часть помещичьей рыбёшки помельче выступала за установление хоть какого-нибудь буржуазного правопорядка, способного обеспечить целостность и безопасность их имущества, буржуазных прав личности и собственности.

2. К XX веку в Турции существовали лишь зачатки современной по тем временам промышленности в виде отдельных предприятий легкопромышленного сектора. Докапиталистические отношения в деревне с полукрепостническим положением крестьян, примитивнейшей техникой и внеэкономическим принуждением, отсутствие сносных путей сообщения, экономический, финансовый и политический гнёт со стороны иностранных монополий, султанский феодально-деспотический режим — все эти факторы препятствовали развитию промышленности.

3. Феодалные порядки сдерживали рост национального рынка и препятствовали развитию национальной буржуазии. Султанский дворец и консервативно настроенная часть национальной буржуазии поддерживали политику подчинения страны иностранным монополиям. Инонациональная компрадорская буржуазия, занимавшая ключевые позиции в экономике страны, особенно во внешней торговле, и теснейшим образом связанная с иностранным капиталом, сыграла не последнюю роль в превращении Османской империи в полуколонию. Армянская и греческая компрадорская буржуазия играла важную роль во внешней торговле империи и поддерживала связи с английским и французским капиталом. Будучи агентурой иностранных капиталистов-имериалистов, компрадорская буржуазия содействовала захвату ими железнодорожных, горнодобывающих и банковских концессий. С другой стороны кошельки этих компрадоров периодически испытывали на себе произвол и гнёт абдулгамидовской тирании, поэтому часть из них имела связь с буржуазно-революционными силами страны, с теми же младотурками. В годы Первой мировой войны экономические связи с державами Антанты для компрадорской буржуазии были нарушены и появилась прямая угроза конкуренции со стороны медленно осознававшей себя национальной турецкой буржуазии. Поэтому компрадорская буржуазия оказывала существенное влияние на национально-освободительную борьбу меньшинств Османской империи.

4. Особую роль в турецком обществе играло мусульманское духовенство. Его верхушка являлась привилегированной частью в Османской империи. Проводники воли Аллаха помимо духовных полей обрабатываемых ими проповедью, обрабатывали обширные земельные угодья руками тысяч крестьян, спекулировали хлебом и другими продуктами. В руках духовенства был религиозный суд, сбор религиозных налогов, народное просвещение и прочие дела суетного мира. Это предполагало определённую претензию на господство в стране, вплоть до подчинения себе светской власти, — и вправду, не всё же время довольствоваться ролью слугителей культа? Для достижения своих амбициозных целей духовенство широко пользовалось своим влиянием на невежественное население и разжигало религиозный фанатизм.

5. Османская империя являлась конгломератом многочисленных народов, народностей и племён, стоявших на различных ступенях экономического, общественного и культурного развития. Древний принцип *divide et impera* до поры до времени сохранял империю. Но со временем взаимная неприязнь народов превращалась в общую ненависть к турецкому владычеству.

6. Государственный аппарат Османской империи насквозь был пропитан флибустьерской идеей грабежа — грабёж был так сказать двигательной пружиной феодально-теократического режима Абдул Гамида II. Казнокрадство, взяточничество и прочие более изощрённые виды злоупотреблений прочно утвердились во всех ведомствах и учреждениях страны. Разложение государственного аппарата венчала фикция под названием правосудие и три столпа султанского режима — тайная полиция, шпионаж и централизованная цензура.

7. Процесс активного формирования национальной турецкой буржуазии связан с возобновлением движения младотурок в конце XIX — начале XX в. Младотурки стремились объединить под своими знамёнами все недовольные политическим режимом силы независимо от их политических пристрастий. Это предопределило их политический разброд, слабость и отсутствие широкой поддержки со стороны народных масс. Великие державы имели особую корысть в отношении Турции и поэтому на всякое движение против абдулгамидовского режима смотрели с точки зрения своих интересов. Поскольку султан отлично справлялся с задачей увеличения прибылей

западных монополий, постольку ни являлись сторонниками султана в подавлении революционного, национально-освободительного движения нетурецких народов. Ситуация поменялась во время Мировой войны, когда руками нетурецких народов можно было развалить Османскую империю изнутри для “великих держав” и после разорвать её труп на лакомые куски.

8. Революция в Турции 1908-1909 г. несмотря на верхушечный характер имела большое значение. Она нанесла серьёзный удар по монархии Абдул Гамида и побудила народные массы к борьбе против пережитков феодализма и власти иностранного капитала.

9. Обрядившись в конституционную оболочку государственный механизм младотурок мало чем отличался от абдулгамидовского, он был всего лишь “просвещённым деспотизмом”. Институты государственного управления созданные иттихадистами, являлись ни чем иным как инструментами для будущего классового господства национальной турецкой буржуазии. Лидеры партии “Единение и прогресс” к большинству вопросов экономики и политики подходили с идеалистических позиций. Так по свидетельству современников Энвера-паши, последний был окружён людьми, которые постоянно твердили ему о “туранском пути”, “туранском завоевании”. Они гадали Энвер-паше, толкуя, что седые волосы на его голове — примета “завоевателя”, подносили ему касыды (поэтическая форма стиха народов Востока) о “туранском завоевании” и этот казнокрад-честолюбец внимал им, раздавая в ответ награды и милости. Интересно то, что нынешний турецкий “султан” считает идеологически близкими себе Энвер-пашу, Нури-пашу и на недавнем параде в Баку у своего “друга” поминал священный дух Энвера-паши. Скорее всего ему импонирует их идеология пантюркизма в её шовинистическом и расистском толковании. Как бы то ни было младотурецкие лидеры весь государственный аппарат и само понятие буржуазного закона превратили в орудие военно-политических авантур и своих личных интересов. Неудивительно, что вместе с банкротством младотурецкого режима потерпел фиаско и их политический идеализм.

10. Первая младотурецкая революция была с энтузиазмом воспринята нетурецкими народами Османской империи и они оказали широкую поддержку младотуркам в борьбе с султанским деспотизмом. Но младотурецкая буржуазия по своей классовой природе не могла быть сторонницей равноправия народов. Они представляли интересы средних и мелких помещиков и национальной турецкой буржуазии стремящейся занять место компрадорской инациональной, младотурки стремились обогатить турецкое купечество, укрепить власть молодой национальной турецкой буржуазии и подготовить “свой” турецкий народ к продолжению захватнической политики султанов. Поэтому они не гнушались популизма и пропагандировали идею османизма для всех народов империи с одной стороны со “свободой, равенством и братством”, а с другой разрабатывали великодержавную идеологию пантюркизма. Цель была у этих двух различных форм национализма одна — укрепление власти национальной турецкой буржуазии и сохранение и расширение Османской империи. Это породило недоверие и подозрительность у нетурецких народов, буржуазия которых при всём прочем мечтала о самостоятельном процветании и величии без обязанности с кем-либо делиться. Реакцией стало создание покорёнными турками народами ряда новых буржуазно-националистических организаций.

11. В вопросах внешней политики младотурецкого правительства было лишь кажущееся на первый взгляд единство, в действительности среди младотурок имелись различные группировки — сторонники германской, английской и французской ориентации. В борьбе группировок одержали победу германофилы, мечтавшие о том что при поддержке Германии Турция добьётся осуществления своих пантуранистских планов, сведёт старые счёты с

державами Антанты и скинет с себя их экономическое, политическое и военное давление.

Но эти господа-паши явно просчитались. С началом Первой мировой войны Османская империя находилась на пороге полного экономического и военного краха. В ходе войны страна понесла большие территориальные и людские потери. Мечтая избавиться от ига стран Антанты младотурки попали в кабалу к германскому капиталу. Все тяготы военных расходов падали на разорившиеся народные массы. Внутри партии иттихадистов назрело столкновение и раскол. Истощение людских и экономических ресурсов, обострение внутривластного положения ускорили военное поражение Турции, приблизив час её катастрофы. Военное поражение Турции означало и полное банкротство младотурок. Те социальные силы, на которые они опирались в течение десяти лет своего правления, тут же отвернулись от партии “Иттихад ва теракки”, считая её главной виновницей всех бед, обрушившихся на страну. Уход младотурок со сцены стал первой необходимой предпосылкой перемирия с Антантой.

[Продолжение>](#)

Автор: Рубен Мхитарян

Источники:

[1] Алиев Г.З., Турция в период правления младотурок (1908-1918 гг.), Москва, 1972, с. 239

[2] Там же, с. 243

[3] Там же, с. 245

[4] Там же, с. 354

[5] Там же, с. 248

[6] Там же, с. 250

[7] Там же, с. 262

Еремеев Д.Е., [Мейер М.С.](#), История Турции в средние века и новое время, Москва, 1992.

Оригинальная статья